

ВАХТАНГОВСКОЕ НАЧАЛО

Ольга Канискина

23 ОКТЯБРЯ 1914 ГОДА АКТЁР И РЕЖИССЁР 1-й СТУДИИ МХТ ЕВГЕНИЙ ВАХТАНГОВ ПРОВЁЛ ПЕРВОЕ ЗАНЯТИЕ ПО СИСТЕМЕ СТАНИСЛАВСКОГО СО СТУДЕНТАМИ МОСКОВСКИХ ИНСТИТУТОВ, СОБРАВШИМИСЯ В ОДНУ ИЗ ТЕХ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СТУДИЙ, КОТОРЫЕ ПОЯВЛЯЛИСЬ В ТУ ПОРУ КАК ГРИБЫ ПОСЛЕ ДОЖДЯ. ЭТУ ДАТУ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ ДНЁМ РОЖДЕНИЯ НЫНЕШНЕГО ТЕАТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА ИМЕНИ ЩУКИНА. ВПРОЧЕМ, НАЧАЛО БЫЛО ПОЛОЖЕНО ЕЩЁ РАНЬШЕ.

Холодным декабрьским вечером 1913 года три студента Московского коммерческого института – Борис Вершилов, Ксения Котлубай и Натан Тураев, влюблённые в Художественный театр, маячили около МХТ. Давали «Николая Ставрогина». В массовых сценах был занят молодой актёр Евгений Вахтангов. Студенты

мечтали заниматься театром, искали себе наставника, а имя молодого Вахтангова узнали от Натана Тураева – за год до того он оказался с Евгением Богратиновичем на пароходе и был очарован его рассказами о театре. Вахтангов выслушал просьбу промёрзшей троицы и согласился побеседовать.

У будущей студии был свой «Славянский базар» – ресторан «Мартьяныч» (в подвале современного ГУМа): днём там

Фото: Виталий Раевский

мим... Проверить систему К. С. на самих себе. Принять или отвергнуть её. Исправить, дополнить или убрать ложь», – написал он ещё за два года до этой встречи.

На первое занятие (которое состоялось 23 декабря в комнате другой студентки коммерческого института – Ксении Соловьёвой) Вахтангов пришёл в парадном костюме, чрезвычайно возбуждённый. Студенты уже выбрали пьесу «Усадьба Ланиных» и получили добро на постановку у автора – Бориса Зайцева.

В устройстве студии было немало оригинального. По воспоминаниям Бориса Вершилова, репетиции Вахтангов начинал с отвлечённых бесед: если не зажигался, так и расходился, если зажигался, первоначальная тема была уже не важна – настолько яркими становились эти встречи. В совет студии попадали путём так называемого признания: Вахтангов признал Алееву, та – следующего кандидата и так до тех пор, пока признание было единогласным. Деловая комиссия студии со-

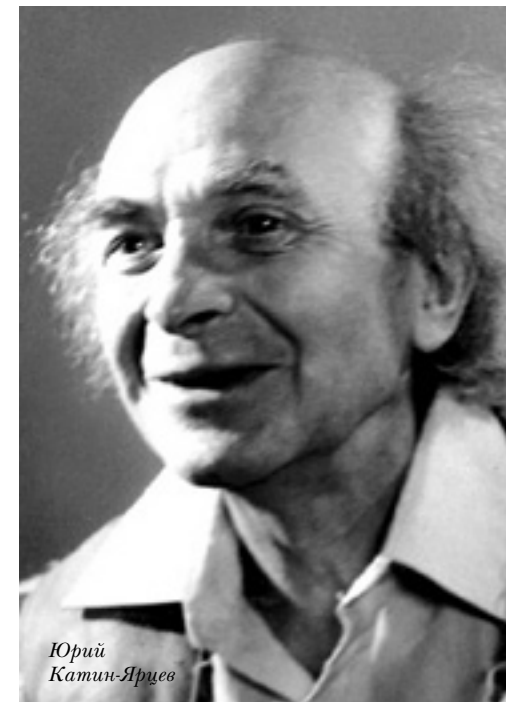
обедали крупные дельцы и совершались миллионные сделки, а вечерами ужин с шампанским стоил рубль и был по карману даже студентам. Вахтангов находился в приподнятом настроении (он только что получил свою первую значительную роль – Крафта в андреевской «Мысли») и дал согласие. Предложение студентов пало на благодатную почву. «Хочу образовать Студию, где мы учились бы. Принцип – всего добиваться са-

стояла из гениев: гений репертуара, гений администрирования. С новичками вела беседу приёмная комиссия: желающий поступить в студию должен был очень убедительно объяснить, почему хочет отдать студии весь свой досуг. И никаких тебе басен-стихов-этиюдов. Минимальная плата за учёбу составляла полтора рубля.

Репетировали где придётся: по комнатам, в которых жили студенты (квартирные хозяйки выносили, как правило, не больше одной репетиции), по ресторанам (простенький заказ был платой за репетицию в отдельном зале), по пустующим к ночи кинотеатрам. Благо только ночь и была в распоряжении энтузиастов: Вахтангов плотно занят в МХТ и 1-й студии, студийцы учились в институте, кто-то работал. Уже тогда Евгений Богратионович во время репетиций тайком глотал какие-то порошки – смертельная болезнь, которая вскоре станет между ним и театром, уже заявляла о себе.

Однако задачи просто сколотить любительский спектакль не было и в помине: Вахтангов видел свою миссию в пропаганде идей Станиславского, студийцы становились всё сплочёнее, автор волновался – ему казалось, что публика будет жевать апельсины и что вообще пьеса не стоит постановки. Студиец Борис Захава, который потом на долгие годы станет ректором Щукинского училища, писал в то время: «Те, кто работал над «Усадьбой Ланиных», а также и сотни (я не преувеличил: именно – сотни) тех, которые прошли через руки Вахтангова впоследствии, но в театре не удержались, всё же с бесконечной благодарностью вспоминают часы и ночи вахтанговских уроков. Сколько их, во всех концах нашей страны, – инженеров, учителей, юристов, врачей, учёных, экономистов и пр., – прошедших через руки Вахтангова! Все они могли бы засвидетельствовать, что пребывание в Вахтанговской школе оставило неизгладимый след на человеческой личности каждого из них и предопределило многое на их жизненном пути».

Юрий Катин-Ярцев

По воспоминаниям Леонида Волкова, репетиции «Усадьбы...» были очень эмоциональны, иные могли расплакаться «от умиления работой товарища». С репетиций «Усадьбы...» в студии осталось выражение «а ну сыграйте-ка для товарищей», то есть сыграйте так, чтобы удивить самых близких по духу людей, которые давно знают друг про друга нечто сокровенное. После премьеры критики разнесли спектакль в пух и прах, не простив даже то, что вместо двери вахтанговцы использовали условную дерюгу. Но сами студийцы чувствовали, как важна им эта работа, а дерюжка, ветка сирени и Венера из папье-маше стали их талисманом. «Неуспех был внешний, – определил Вахтангов результат своей первой постановки в студии и предложил студийцам... начать учиться: – Теперь мы должны очиститься, измениться как люди. Неверно, что театру нужен только талант. Хотя бы на два часа нашей работы нам надо стать лучше».

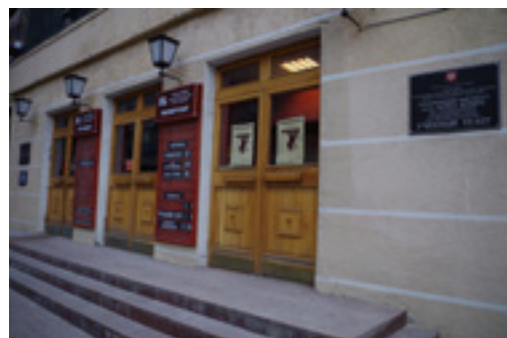

торию он ставил как раз для 3-й студии, Вахтангов на сцене уже не увидел.

Итак, в 1926 году Народный театр стал Театром имени Вахтангова, а породившая его студия превратилась в кузницу кадров для театра: стать студентом фактически означало быть принятым на работу в театр, и с первого курса студийцев занимали в спектаклях.

В 1937-м учебное заведение поселилось по соседству с театром, в Большом Николопесковском переулке, обрело статус самостоятельного техникума и стало уже кузницей кадров для всей страны. В 1939 году в возрасте всего 45 лет скончался один из первых и лучших учеников Вахтангова Борис Щукин: вернулся из театра, где гениально репетировал Городничего в «Ревизоре» (публика так и не увидела этой роли) и умер с книгой Дидро «Парадокс об актёре» в руках. Потеря была настолько неожиданной и горькой, что в том же году училищу присвоили имя Щукина.

Чистоту вахтанговской «крови» здесь хранили поистине с королевской тщательностью: преподавать в студии и играть в театре могли только вахтанговцы. Поэтому даже теперешних студентов отделяют от Евгения Вахтангова два-три рукопожатия. И за столетие сменилось всего несколько ректоров. С 1925 года до самой своей смерти в 1976-м училище возглавлял Борис Захава. Затем бразды правления передали безвестному министерскому чиновнику

К следующему сезону нашли помещение в Мансуровском переулке (поэтому некоторое время студия называлась Мансуровской) и начали заниматься. По одному из свидетельств, Станиславский был так зол на Вахтангова за самостоятельность и провал «Усадьбы Ланиных», что запретил ему продолжать эту деятельность. Поэтому первоначально занятия велись в строжайшей тайне – студийцы поклялись даже родным не говорить, где они проводят столько времени. По словам Цецилии Мансуровой, несмотря на бедность студии, Вахтангов нанимал не просто лучших педагогов Москвы, а тех, кто не боялся быть абсолютными новаторами: родоначальницу ритмических этюдов Александрову, постановщика голоса Пятницкого, «станочника» Поливанова. «Мы так бедны, что должны учиться у лучших», – говорил он.

Но позже Станиславский признает незаконнорождённого «ребенка» и будет по просьбе больного Вахтангова приходить на репетиции. А 13 сентября 1920 года МХТ «удочерит» Московскую драматическую студию Евгения Вахтангова под именем 3-й студии МХТ. Через год, 13 ноября 1921, творческая зрелость студии ознаменуется открытием своего театра: сначала Народного (название Народный Художественный театр вызвало ревность Станиславского – справедливую, как признавал Вахтангов), а после скорой кончины Евгения Богратионовича – театра его имени. Свою легендарную «Принцессу Турандот», ко-

Георгию Пелисову. А через десять лет всё вернулось на круги своя: назначенный ректором подлинный вахтанговец Владимир Этуш (в настоящее время – художник при ректоре Евгении Князеве) поднял училище на новую высоту: оно обрело статус института и международную известность.

В недрах студии-училища-института зародилось в разные годы несколько театров: Театр-студия имени Рубена Симонова, молодёжный молдавский театр «Лучафэрул», театр «Современник» в Ингушетии, московский театр «Учёная обезьяна» (так называлась игра, как говорится, до полной гибели всерьёз, которую в своё время затеяли между собой два гения русского театра – Михаил Чехов и Евгений Вахтангов). И конечно же, любимовская «Таганка», возникшая в том числе и из сопротивления руководству училища, но главным образом – благодаря вахтанговской закваске.

А столетнее дерево по-прежнему продолжает плодоносить.

«Где-то там, за пределами человеческих постижений, на недостижимой высоте нематериальных миров, над звёздами, в бездне пространств, вольно дышит прекрасный мир – мир идей. Тысячелетиями устремляет человечество свою пылкость ввысь, упорно и настойчиво изоцирует свою мысль, дерзновенно, не боясь неизмеримой высоты, неустанно, век за веком, могучим и творческим духом своим стремится человечество проникнуть в это светлое царство и похищает оттуда одну идею за другой. И здесь, на черной и грубой Земле, так же неустанно, так же упорно и настойчиво, продолжаясь из рода в род, строит оно осуществление идеи».

Евгений Вахтангов

THE VAKHTANGOV ORIGINS

Olga Kaniskina

ON OCTOBER 23, 1914, YEVGENY VAKHTANGOV, ACTOR AND DIRECTOR OF THE 1ST MAT STUDIO, CONDUCTED HIS FIRST LESSON ON THE STANISLAVSKY METHOD WITH STUDENTS OF MOSCOW UNIVERSITIES THAT CAME TOGETHER IN ONE OF THOSE NUMEROUS STUDIOS THAT BACK IN THE DAY SPRUNG UP LIKE MUSHROOMS AFTER THE RAIN. IT IS CUSTOMARY TO CONSIDER THIS DATE AS THE BIRTHDAY OF TODAY'S SHCHUKIN THEATRE INSTITUTE. ADMITTEDLY, THOUGH, THE FOUNDATION FOR IT WAS LAID EARLIER STILL.

On a cold December evening of 1913, three Moscow Commercial Institute students – Boris Vershilov, Ksenia Kotlubai and Natan Turayev, who were infatuated with the Art Theatre, were hanging around in front of the MAT. The theatre was showing “Nikolai Stavrogin.” One of the extras in the production was a young actor by the name of

Yevgeny Vakhtangov. Students dreamed of being in theatre and were looking for a theatre mentor, and they learned the name of the young Vakhtangov from Natan Turayev – a year prior he ended up on the same steamboat with Yevgeny Bogrationovich and was captivated by the latter’s stories about theatre. Vakhtangov listened to the request of the frozen trio and agreed to talk to them.

The future Studio had its very own “Slavic Bazaar” – the Martyanich restaurant (in the basement of today’s GUM department store): during the day it was a place of dining and million-ruble transactions for major businessmen, and in the evenings a dinner with champagne cost only one ruble and was affordable even for students. Vakhtangov was in high spirits (he had just received his very first major role – that of Kraft in Andreyev’s “Thought”) and so he agreed. The students’ proposal found a favorably inclined audience. “I want to form a Studio, where we would learn. The principle is attaining

everything by ourselves... To test out the method of K.S. on ourselves. To accept or to reject it. To amend it, add to it or remove falsehoods," he wrote a whole of two years prior to that meeting.

Vakhtangov came to the first lesson (which took place on December 23 in the apartment of Ksenia Solovieva, another Commercial Institute student) dressed in his best suit and extremely excited. The students have already selected Boris Zaitsev's play "The Lanin Estate" and received the author's permission to stage it.

The organization of the Studio was quite unusual. Based on Boris Vershilov's recollections, Vakhtangov would begin rehearsals by talking about unrelated subjects: if he didn't get fired up, they would all leave without getting anywhere, if he did get fired up, the initial subject would no longer matter, given how brilliant these meetings would subsequently become. To get on the Studio board one would have had to get the so-called recognition: Vakhtangov recognized Aleyeva,

the latter recognized the next candidate and so on and so forth, until the recognition was unanimous. The Studio's business committee was composed of geniuses: a repertoire genius, an administration genius. The admissions committee talked to potential students: those who wished to be admitted into the Studio needed to provide very convincing reasons for why they wanted to give the Studio all of their free time. And none of that fables-poems-sketches nonsense. The minimum tuition payment was for one and a half ruble.

They rehearsed wherever they could: in students' apartments (their landladies generally tolerated no more than one such rehearsal), in restaurants (a simple order was payment for rehearsing in a private room), in movie theatres that stood empty when it would get closer to nighttime. Fortunately, nighttime was the only time the theatre aficionados had at their disposal: Vakhtangov was very busy at the MAT and Studio 1, Studio members

were taking classes at the Institute, some worked. At that time Yevgeny Bogrationovich had already begun swallowing medicinal powders in secret during rehearsals – the deadly disease that would soon stand between him and the theatre was already making itself known.

Yet there was never a question of simply putting together an amateur production: Vakhtangov saw it as his mission to popularize Stanislavsky's ideas, Studio members were becoming more and more close-knit, the author was worried – he believed that the audience would be eating oranges, and that the play was not even worth staging. Studio member Boris Zakhava, who would subsequently become director of the Shchukin Institute for many long years, wrote at the time: "Those who worked on 'The Lanin Estate', as well as hundreds (I am not exaggerating: precisely, hundreds) of those, who subsequently passed through Vakhtangov's mentorship but couldn't manage to stay at the theatre continue to remember the hours and nights spent in Vakhtangov's classes with infinite gratitude. How many of them are out there in every corner of our country – engineers, teachers, lawyers, doctors, scientists, economists, etc., – who passed through Vakhtangov's hands! They could all testify to the fact that the time they spent in Vakhtangov's school left an indelible imprint on every one of their persons and predetermined much of their life's journey."

Based on Leonid Volkov's memoirs, the rehearsals of "The Lanin Estate" were very emotional, some would cry "overcome by emotion from seeing their friend's work." "The Lanin Estate" rehearsals gave birth to a saying that remained at the Studio: "go ahead and perform for your friends", in other words, perform in such a way as to surprise those closest in spirit, who have long known something secret about one another. The critics ripped the production to pieces following its premiere; they didn't even let slide the fact that Vakhtangov's actors used an arbitrary sackcloth instead of a door. Yet Studio members themselves knew how important that work was for them, and the sackcloth, the lilac branch and the papier-mache Venus became their talismans. "The failure was external," Vakhtangov said, defining the result of his first Studio production and offered Studio members to... begin studying. "We now need to cleanse ourselves, to change as human beings. It is not true that theatre only needs talent. We need to become better even if only for two hours of our work."

By the time the next season came around, they found a place at Mansurovsky Lane (that was why the Studio was called the Mansurovsky Studio for a short period of time) and began studying. According to one report, Stanislavsky was so angry with Vakhtangov for his unauthorized activity and the failure of "The Lanin Estate" that he forbade him from continuing this work. That was why the initial

Boris
Zakhava

dent there virtually meant being accepted for work at the theatre, and Studio members were employed in productions from their first year of study.

In 1937, the educational institution got housed in close vicinity to the theatre at Bolshoi Nikolopeskovsky Lane, obtained the status of an independent technical college and became the forge of theatre workers for the entire country. The year 1939 saw the death of Boris Shchukin, one of Vakhtangov's first and best students, at the age of only 45: he returned home from the theatre, where he was brilliantly rehearsing the part of the Mayor in "The Inspector General" (the audience never did get to see him in that role) and died with Diderot's "The Paradox of Acting" in his hand. The loss was so sudden and bitter that the School was renamed in Shchukin's honor that same year.

Here they maintained the purity of Vakhtangovian "blood" with a truly royal-like thoroughness: only Vakhtangovians could teach at the Studio and perform at the theatre. That is why even students today are only about two-three handshakes removed from Yevgeny Vakhtangov himself. And in the one hundred years the School changed only a few directors. Boris Zakhava was head of the School from 1925 until his death in 1976. The reins were then handed over to Georgy Pelisov, an unknown ministerial official. And another ten years later everything resumed its normal course: Vladimir Etush

Vladimir Etush

lessons were conducted in utmost secrecy – Studio members swore to not even tell their families where they were spending so much of their time. According to Cecilia Mansurova, despite the Studio's poor financial situation, Vakhtangov didn't just hire the best instructors from Moscow – he hired those, who weren't afraid to be total innovators: Alexandrova – the mother of rhythmic studies, voice trainer Pyatnitsky, "operator" Polivanov. "We are so poor that we must learn from the best," he used to say.

Later on Stanislavsky would recognize his illegitimate "child" and start coming to the rehearsals at the request of the ill Vakhtangov. And on September 13, 1920, the MAT would "adopt" Yevgeny Vakhtangov's Moscow Drama Theatre under the name of the MAT Studio 3. A year later, on November 13, 1921, the Studio's artistic maturity would be marked by the opening of their very own theatre: it was named People's theatre at first (the name People's Art Theatre made Stanislavsky jealous – and rightfully so, as Vakhtangov himself acknowledged), and following Yevgeny Bogrationovich's death it was renamed in his honor. Vakhtangov never got to see his legendary "Princess Turandot", which he was preparing expressly for Studio 3, performed on stage.

And so in 1926 the People's Theatre became the Vakhtangov Theatre, and the Studio that gave rise to it became the forge of theatre workers: becoming a stu-

(currently its artistic director with Yevgeny Knyazev at the helm), a true Vakhtangovian, appointed by the director, raised the Institute to new heights: it gained the status of an institute along with international fame.

Several theatres were born in the bowels of the Studio-School-Institute over the years: the Ruben Simonov Theatre Studio, Moldova's Luchaferul Youth Theatre, the Sovremennik Theatre in Ingushetia, Moscow's Learned Monkey Theatre (that was the name of a game to tragedy with tragic end, as they say, that was begun back in the day by two of Russian theatre's greatest talents – Mikhail Chekhov and Yevgeny Vakhtangov). And, of course, Lyubimov's Taganka Theatre, which emerged, among other things, out of the opposition to the School's administration, but mainly thanks to its Vakhtangovian background.

Meanwhile, the one-hundred-year-old tree continues to bear fruit.

"Somewhere beyond the boundaries of human comprehension, at an unattainable height of incorporeal worlds, above the stars, in the abyss of space, there exists a beautiful free world – a world of ideas. For thousands of years mankind has been directing its curiosity upwards, stubbornly and persistently refining its thought, daringly, without fear for the unfathomable height, tirelessly, century after century, mankind aspires with its powerful and artistic spirit to break into that luminous kingdom and steals one idea after another from there. And here, on this black and rough Earth, it continues just as tirelessly, just as stubbornly and persistently, generation after generation, to create a fulfillment of that idea."

Yevgeny Vakhtangov